

новая фотографія, то артистовъ попросили сняться. Пришло въ голову одной изъ ученицъ Щепкинъ предложить Михаилу Семеновичу сняться. „Батюшки“, — вспоминаетъ она, — „какъ мнѣ за это досталось! Какое я имѣю право превозноситься, какъ смѣю думать, что хороша!“

— „Прекрасно, я нехороша, ну, вы хороши“, — капризно возражаетъ Щепкину артистка.

Но суровый и строгій учитель скромно и честно отвѣчаетъ:

— „И я нехорошъ, однимъ понравился, другимъ нѣтъ“.

Собственною жизнью своей Щепкинъ подтверждаетъ эти правила. У него слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Во имя этого дѣла онъ легко сдерживалъ въ себѣ стремленіе къ славѣ и никогда не отказывался отъ предложенныхъ ему ролей, какъ бы ничтожны онѣ ни были въ его глазахъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно его добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Онъ ни разу не опоздалъ; не было случая, чтобы онъ, играя какую-нибудь роль, хотя бы въ сотый разъ, несмотря на свою превосходную память, не перечитывалъ ея наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой. Въ театрѣ, въ тотъ вечеръ, когда онъ игралъ, съ нимъ нельзя было говорить, къ нему нельзя было подойти ни съ какимъ разговоромъ. Щепкинъ, говорятъ, такъ перерождался въ представляемое имъ лицо, что „предъ поднятіемъ занавѣса, за полчаса, онъ ходилъ по сценѣ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ окружавшихъ его, такъ что, если бы кто приставилъ къ груди его